

**ПРОФЕССОРСКИЙ СТИЛЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ
В УНИВЕРСИТЕТСКИХ ГОРОДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.***

С.И. Посохов

Харьковский национальный
университет имени В.Н. Каразина

S.I. Posokhov

V.N. Karazin Kharkiv
National University

В статье характеризуются особенности профессорского стиля жизни на материалах российских университетов первой половины XIX в. Сделан вывод о том, что в своей совокупности профессиональные и досуговые практики университетских преподавателей стали фактором влияния на качество жизни в университетских городах.

Ключевые слова: университеты, профессорский стиль жизни, университетский город.

**PROFESSORIAL STYLE AND QUALITY OF LIFE IN THE UNIVERSITY
CITIES OF RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF
OF THE 19TH CENTURY**

The paper characterizes some features of the professorial life style on the materials of Russian universities in the first half of the 19th century. Author concludes that, taken together, professional and recreational practices of university professors had a significant impact on the quality of life in the university cities.

Keywords: universities, professorial life style, university city.

e-mail: sposokhov[at]mail.ru

Традиционно в литературе обозначалась зависимость повседневной жизни горожанина от его благосостояния и состояния самих городов. Однако, в данном случае нас интересует взаимосвязь между каче-

* Объектом исследования избраны Московский, Казанский и Харьковский университеты. Статья подготовлена в рамках международного проекта «Ubi universitas, ibi Europa» (трансфер и адаптация университетского образования в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.), который поддерживается Германским Историческим институтом (г. Москва) и Германским Фондом им. Герды Хенкель (GERDA HENKEL STIFTUNG).

ством жизни в университетских городах и профессорским стилем жизни не только в варианте однонаправленного вектора. По словам Е.А. Вишленковой, университетского преподавателя можно назвать «самым городским жителем» в смысле его оторванности от села и полной зависимости от урбанистических процессов¹. Уже исходя только из этого, проблема влияния профессорской субкультуры на состояние городов представляется весьма интересной.

Российский город во вт. пол. XVIII – перв. пол. XIX вв. переживал период, когда появлялись и распространялись новые формы досуга и времяпрепровождения². У некоторых горожан появляются свои домашние библиотеки и в целом возрастают их читательские запросы, нормой городской жизни становятся концерты и спектакли, оркестровая музыка занимает свое важное место в организации вечеров и балов, развивается профессиональное искусство, все более широкое распространение получают западноевропейская одежда и домашняя утварь европейского образца. Но главное – то, что европеизированные формы досуга распространяются «вглубь», затрагивая все новые и новые слои и группы населения. Как и почему это происходило? В России в данное время мещанская культура была очень слабой. Но не только по бедности (как считают некоторые исследователи³) городской житель никак не мог расстаться со своим сельским прошлым. Для развития городской культуры необходимы образцы и факторы. Университеты предоставили такую возможность, а университетские города стали посредниками в распространении «не только науки и знаний, но и моды, всяких мелочей» (как писал в свое время Н.П. Загоскин о Казани)⁴.

На сегодняшний день сделан вывод о том, что в использовании досуга для повышения социального авторитета средние классы проигрывали аристократии. Они имели слаборазвитую досуговую традицию, изначально их культура была ориентирована на труд и усердие, а не на отдых⁵. В большинстве сообществ господствующие формы поведения в значительной степени определяются именно нравами представителей высших слоев, верхушки общества, поэтому всегда являются предме-

¹ Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Казанское житье [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Iu., Sal'nikova A.A. Kazanskoe zhit'e]. Казань, 2005. С. 863.

² См.: Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города [Rabinovich M.G. Ocherki material'noi kul'tury russkogo feodal'nogo goroda]. М., 1988; Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири [Kupriianov A.I. Russkii gorod v pervoi polovine XIX veka: obshchestvennyi byt i kul'tura gorozhan Zapadnoi Sibiri]. М., 1995 и др.

³ Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Казанское житье [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Iu., Sal'nikova A.A. Kazanskoe zhit'e]. С. 883.

⁴ Загоскин Н.П. Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах [Zagoskin N.P. Ocherki goroda Kazani i kazanskoi zhizni v 40-kh godakh]. Казань, 2003. С. 114.

⁵ Крючкова Н.Д. Образ жизни британской элиты в третьей четверти XIX века [Kriuchkova N.D. Obraz zhizni britanskoi elity v tret'ei chetverti XIX veka]: дис. ...канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. С. 152, 156.

том особого внимания⁶. При переходе к Новому времени в значительной мере именно университетские профессора стали связующим звеном между аристократией и широкими слоями общества. Всячески демонстрируя свою принадлежность к элите, они, тем не менее, выпадали из замкнутого круга аристократии, вся их профессиональная деятельность была нацелена на общество в широком смысле этого слова. Притягательность стиля жизни университетского профессора могла определяться и его «ученым» статусом, а также тем, что в сознании многих людей его деятельность была связана с понятием «общественное благо». Если ранее аристократия являлась символом ума, то с течением времени, по мере роста образованности общества, такой символический капитал обрела именно профессура. С годами внимание к ее поведению, взглядам, позиции только усиливалось. Профессура стала претендовать на статус культурного лидера. В Российской империи такие процессы начались с момента создания университетов и появления в ней иностранных профессоров, олицетворявших собой культурные новации своего времени. Как это происходило?

Город был тем местом, где новшество имело больше шансов для выживания и развития, а значит, город интенсивнее порождал новые субкультуры. Известно, что всякая субкультура – это в той или иной степени отклонение от общезначимой картины мира и ценностей нормы, а значит, она всегда связана с инновацией. Субкультура – это всегда обещание нового варианта развития культуры, это условие ее динамики, а не застоя⁷. Профессорская субкультура как порождение социального слоя, для которого характерна интеллектуальная, творческая (и при этом, преимущественно, публичная) деятельность, изначально предполагала внимание к новациям, оригинальным идеям, необычному поведению, а также постоянную рефлекссию по поводу произведенного впечатления «на публику». Другими словами, профессорская субкультура, благодаря имманентно присущему ей многообразию и динамизму, не только сама была способна к мутациям, но и вполне могла способствовать складыванию в городе «инновационного климата», в котором вызревают новые субкультуры.

В частности, сегодня определенно звучит тезис о том, что свою роль в изменении соотношения приватного и публичного в жизненном пространстве, а также в распространении новых досуговых практик,

⁶ Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории [Dinges M. Istoricheskaia antropologija i sotsial'naia istorija: cherez teoriuu «stilia zhizni» k «kul'turnoi istorii povsednevnosti» // Odissei. Chelovek v istorii]. М., 2000. С. 111.

⁷ Хренов Н.А. Субкультуры посада как субъекты урбанизационных процессов в России на рубеже XVII – XVIII вв. // Урбанизация в формировании социокультурного пространства [Khrenov N.A. Subkul'tury posada kak sub'ekty urbanizatsionnykh protsessov v Rossii na rubezhe XVII – XVIII vv. // Urbanizatsiia v formirovanii sotsiokul'turnogo prostranstva]. М., 1999. С. 175.

играли университеты и, в частности, профессора. Конечно, это не значит, что в жизни профессуры не было границы между частным и публичным, в их среде также была своя «фасадная» и «закулисная» жизнь. Но частная жизнь профессора становилась притягательным образцом, ее замечали, ею интересовались. Да и сами профессора иногда не прочь были обратить на нее внимание окружающих, а через воспоминания учеников и культ наставника свидетельства о ней становились достоянием образованного общества. П. Ю. Уваров сделал любопытное наблюдение о том, что «в официозной газете «Московские ведомости» не было места ничему приватному; единственное исключение являли собой публикуемые известия из частной жизни профессоров»⁸.

Но прежде чем изложить дополнительные аргументы в пользу высказанных суждений, остановимся на понятии «стиль жизни». На сегодняшний день оно весьма многозначно и трактуют его очень широко. Часто «стиль жизни» становится близок такому понятию, как «субкультура». В связи с этим небезынтесной представляется теория стилей жизни, выдвинутая М. Дингесом и позиционируемая как часть «культурной истории повседневности». «Стиль жизни» он определяет как сравнительно устоявшийся тип решений, принимаемых индивидами или группами, делающими выбор из предлагаемых им обществом вариантов поведения. По его мнению, индивиды, группы или общества могут целенаправленно культивировать стили жизни, чтобы тем самым обозначить социальные различия и сформировать свою идентичность⁹. В данном случае вполне уместно также вспомнить предложенный П. Бурдьё термин «габитус», который обозначает некие модели мышления, восприятия, поведения. Стили жизни являются систематической производной от габитусов и являют собой, по словам П. Бурдьё, целостное множество отличительных предпочтений, выражающих, следуя специфической логике каждого из символических подпространств (мебели, одежды, речи или телесного экзиса), одну и ту же выразительную интенцию¹⁰.

Изобилие дифференций (возрастных, гендерных, социальных и др.), разнообразие возможностей для индивидуального стилиобразования, сложность фиксации индивидуальных стилей поведения создают значительные трудности на пути исследователя «стилей жизни». И все же, различные индивидуальные образцы поведения, тесно связанные с

⁸ Уваров П.Ю. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола истоков») // Диалог со временем [Uvarov P.Iu. Universitety Rossiiskoi imperii glazami medievista (v zashchitu «idola istokov») // Dialog so vremenem]. М., 2001. Вып. № 7. С. 216.

⁹ Дингес М. Историческая антропология и социальная история [Dinges M. Istoricheskaia antropologiia i sotsial'naia istoriia]. С.106, 108, 113.

¹⁰ Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты) / пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики [Burd'e P. Razlichenie: sotsial'naia kritika suzhdeniia (fragments) / per. s fr. O. I. Kirchik // Zapadnaia ekonomicheskaja sotsiologiia: khrestomatiiia sovremennoi klassiki]. М., 2004. С. 538 – 540, 542.

экономическим, социальным и культурным капиталом, которым располагают субъекты, могут быть сгруппированы в «стили поведения», а эти в свою очередь – в «стили жизни» индивидов либо групп¹¹. В полной мере сказанное относится и к университетской среде. Хотя, конечно, индивидуальный стиль жизни здесь выражен еще сильнее, да и в целом, как известно, в университетской культуре уживаются весьма противоречивые тенденции, что значительно осложняет такой анализ.

Профессорский стиль жизни (или профессорская субкультура) уже не раз становился объектом исследования¹². Впрочем, в тех характеристиках, которые сопровождают понятие «профессорская субкультура», много условного, обобщенно-умозрительного. И это естественно. Следует признать, что результат исследования университетской культуры всегда будет отличаться известной долей условности, уже исходя из пестроты состава российских университетариев.

Но все же, бесспорно, среди российской интеллигенции университетские профессора составляли особую группу, которая отличалась рядом характеристик. Уровень образования, род занятий и положение в обществе выделяли их на общем фоне и позволяли даже некоторым авторам в свое время писать о привилегированном положении университетских профессоров в Российской империи. Однако реальное положение профессуры было весьма противоречивым. С одной стороны, они считались находящимися на государственной службе, чиновниками Министерства просвещения. Как заметил Н. П. Загоскин, «чиновник по российской словесности», «чиновник по философии» и т.п. – самые ходячие термины того времени¹³. С другой стороны, университетские профессора претендовали на роль творческих людей, которым свойственно проявлять свою индивидуальность. Все это отражалось в ряде характеристик их стиля жизни. Разумеется, профессорская куль-

¹¹ Дингес М. Историческая антропология и социальная история [Dinges M. Istoricheskaia antropologiya i sotsial'naiia istoriia]. С. 108.

¹² Горин Д. Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начала XX в. // Отечественная культура и историческая наука XVIII – XX веков [Gorin D. G. K voprosu o «professorskoi kul'ture» Rossii XIX – nachala XX v. // Otechestvennaia kul'tura i istoricheskaia nauka XVIII – XX vekov]. Брянск, 1996; Вишленкова Е.А. Публичная и частная жизнь университетского человека в Казани XIX века [Vishlenkova E.A. Publichnaia i chastnaia zhizn' universitetskogo cheloveka v Kazani XIX veka] // Адам и Ева [Adam i Eva]. 2004. № 7; Никс Н. Н. Московская профессорская культура второй половины XIX – начала XX в. [Niks N. N. Moskovskaia professorskaia kul'tura vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.] // Вопросы образования [Voprosy obrazovaniia]. 2005. № 4; Костина Т. В. Мир университетского профессора Казани. 1804 – 1863 [Kostina T. V. Mir universitetskogo professora Kazani. 1804 – 1863]: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007; Сазонова Л. А. Повседневность университетского профессора Казани 1863-1917 гг. [Sazonova L. A. Povsednevnost' universitetskogo professora Kazani 1863-1917 gg.]: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009.

¹³ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804 – 1904. Т.2. ч.2. (1814 – 1819) [Zagoskin N.P. Istoriia Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniia, 1804 – 1904. Т.2. ch.2. (1814 – 1819)]. Казань, 1902. С. 484.

тура была неоднородна: при желании в ней можно выделить различные группы и подгруппы, но имеющиеся материалы позволяют также утверждать, что это была общность, довольно рано осознававшая свое внутреннее единство.

На сегодняшний день уже вышли работы, в которых дается как общая характеристика «стиля жизни университетского человека», так и варианты группировки «стилей поведения» в «стилях жизни» в университетской среде интересующего нас времени. Имеются в виду исследования Е. А. Вишленковой, где на материале Казанского университета выделены два типа университетского преподавателя – «камерный» и «человек-оркестр»¹⁴. Собственно, эти названия уже в значительной мере являются «говорящими». Для первого типа характерна более закрытая частная жизнь, по крайней мере, она предназначалась для немногих посвященных. Второй тип представлен людьми, «заставлявшими жизнь кипеть вокруг себя». Отмечено, что такие различия фиксировали уже современники, называя первых «кабинетными учеными», а вторых «просветителями» (студенты делили своих наставников на «доступных» и «недоступных») ¹⁵. Отмечено, что люди выбирали тот стиль жизни, который наиболее соответствовал их внутреннему миру и давал возможности для реализации их потенций. Впрочем, важна также ремарка о том, что этому могли содействовать или препятствовать соответствующие политические и материальные условия¹⁶. Конечно, такое разделение на типы условно, а граница между ними является весьма расплывчатой. Вообще следует согласиться с М. Дингесом, что реконструкция стилей жизни и стилей поведения всегда будет условной¹⁷.

Но поскольку в данном случае в центре внимания находится проблема формирования посредством университета новых запросов (материальных, бытовых, санитарно-гигиенических и, конечно, культурных), а также роль иностранных профессоров в этом процессе, то приведенный выше вариант типологии вряд ли может стать основой для ее решения. На наш взгляд, применительно к этой исследовательской

¹⁴ Вишленкова Е.А. Публичная и частная жизнь университетского человека в Казани XIX века [Vishlenkova E.A. Publichnaia i chastnaia zhizn' universitetskogo cheloveka v Kazani XIX veka] // Адам и Ева [Adam i Eva]. 2004. № 7; Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Iu., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis: Dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani]. Казань, 2005.

¹⁵ Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Iu., Sal'nikova A.A. Terra Universitatis: Dva veka universitetskoi kul'tury v Kazani]. С. 343 – 344. Возможно, аналогичные группы (интровертов и экстравертов) можно выделить в любом сообществе. Отметим также, что в другом месте данной книги «по качеству жизни» профессора поделены на две категории – «ученые-аскеты» и «профессора-аристократы» (С. 258). Характеристики этих групп также могут быть соотнесены с понятием «стиль жизни».

¹⁶ Там же [Ibid.]. С. 345.

¹⁷ Дингес М. Историческая антропология и социальная история [Dinges M. Istoricheskaia antropologija i sotsial'naia istoriia]. С. 117.

задаче целесообразнее рассмотреть вариант выделения групп «традиционалистов» и «новаторов». Безусловно, и в данном случае типология далека от оригинальности, а различия между группами также достаточно условны. Но, собственно, и задача состоит не в том, чтобы зафиксировать отличия между ними. Цель в том, чтобы выяснить, как и какие нормы профессорского стиля жизни утверждались в России, как «новация» становилась «традицией».

Упоминание среди профессоров «допотошных» и «нововводителей» можно встретить уже в воспоминаниях, отражающих Александровскую эпоху¹⁸. Среди «допотошных», прежде всего, фигурируют «русские» профессора, получившие в основном семинарское образование во второй половине XVIII века, что, безусловно, наложило свой отпечаток на их нравы и поведение. Особенно это было заметно на фоне иностранных профессоров и соотечественников, побывавших за границей. Отставание от требований времени в этом случае было заметно даже студентам. Так, Е.Ф. Тимковский отметил, что в некоторых из его наставников «отражался дух келии и лампы, как на языке, так и на одежде, и самом образе жизни»¹⁹. Такое разделение российских профессоров начала XIX века на «старшее поколение» и «молодых» распространено и в современной научной литературе²⁰. Для первых характерен образ жизни, «который не отличался яркими красками», их неизменными чертами определены скромность, бережливость, некоторая замкнутость, застенчивость. Отмечается, что они не посещали ни званых вечеров, ни светских развлечений, ограничиваясь народными гуляниями и регулярным посещением церкви. Указано, что в отличие от них «молодые» профессора окончили Московский и (или) европейские университеты, что они не отделялись от дворянского общества, переводили и издавали книги, давали частные уроки и т.п. Профессора-иностранцы выделены в отдельную группу²¹. Такая типология вполне обоснованна, она фиксирует определенную стадийность в процессе формирования университетской корпорации в Российской империи, в частности, привязана к конкретному историческому периоду начала XIX века, когда происходили существенные изменения как в составе, так и стиле жизни профессуры. Однако, если взять более длительный промежуток

¹⁸ См., например: Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников [Sverbeev D.N. Iz vospominanii // Moskovskii universitet v vospominaniakh sovremennikov]. М., 1989. С. 66, 68, 70.

¹⁹ Тимковский Е.Ф. Московский университет в 1805 – 1810 гг. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников [Timkovskii E.F. Moskovskii universitet v 1805 – 1810 gg. Iz vospominanii // Moskovskii universitet v vospominaniakh sovremennikov]. М., 1989. С. 61.

²⁰ Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века [Andreev A.Iu. Moskovskii universitet v obshchestvennoi i kul'turnoi zhizni Rossii nachala XIX veka]. М., 2000. С. 83–94.

²¹ Там же [Ibid.]. С. 85, 86, 93, 94 и др.

времени и сосредоточить внимание именно на стиле жизни профессоров, то, на наш взгляд, уместнее, как уже указано, искать отличия между «традиционалистами» и «новаторами». К тому же, в Казанском и Харьковском университетах, созданных в 1804 г., скорее фиксировались отличия между «русскими» и «иностранными», нежели «старыми» и «молодыми» профессорами.

Между тем, заметим, что среди «допотопных профессоров» Московского университета современники называли и некоторых иностранцев. А. И. Герцен (который, как известно, вообще всех профессоров делил на «немцев» и «не-немцев») вспоминал: «Ректором был тогда Двигубский*, один из остатков и образцов допотопных профессоров или, лучше сказать, допожарных, то есть до 1812 года. Они вывелись теперь... Двигубский был из не-немцев. Вид его был так назидателен, что какой-то студент из семинаристов, приходя за таблицью, подходил к нему под благословение и постоянно называл его «отец ректор». ...Когда он, бывало, приходил в нашу аудиторию или с деканом Чумаковым, или с Котельницким..., или с Рейсом, выписанным из Германии..., – мы смотрели на них большими глазами, как на собрание ископаемых, как на последних Абенсерагов*, представителей иного времени...»²². На студентов, очевидно, большое впечатление оказывал уже внешний вид преподавателя. Для сравнения приведем несколько цитат из воспоминаний Д. Н. Свербеева: «Роман Федорович Тимковский, учившийся в Геттингенском университете, отличался от всех благовидной, красивой наружностью, приличными манерами и пристойной одеждой того времени», «Андрей Михайлович Брянцев, чуть ли не 80-летний старик, в голубом своем кафтане, со стоячим воротником и перламутровыми пуговицами, с седыми волосами, при косе... Он всецело принадлежал какому-то допотопному времени...»²³. Но, все же, не только внешние черты служили критерием для отнесения профессора к той или иной группе. К чертам «нововодителей» относили смелость, «способность посягнуть на славу авторитетов», «редкую в профессорах в то время независимость характера перед начальством»²⁴. Вполне понятно, что по численности они уступали «традиционалистам». Впрочем, если во главу угла поставить именно внешнее впечатление на окружающих, то, веро-

* Заметим, что проф. И.А. Двигубского А.Ю. Андреев относит к «молодым» профессорам.

* Абенсераг (Абенсераджи, XV в.), представитель знатного арабского рода, убитый в Альгамбре. В России был популярен рассказ «Приключения последнего Абенсерага», написанный Шатобрианом.

²² Герцен А.И. Московский университет (глава из романа «Былое и думы») // Московский университет в воспоминаниях современников [Gertsen A.I. Moskovskii universitet (glava iz romana «Byloe i dumy») // Moskovskii universitet v vospominaniiah sovremennikov]. М., 1989. С. 121 – 122.

²³ Свербеев Д.Н. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников [Sverbeev D.N. Iz vospominanii // Moskovskii universitet v vospominaniiah sovremennikov]. М., 1989. С. 67, 68, 69.

²⁴ Там же [Ibid.]. С. 66, 76.

ятно, число «новаторов» (а лучше в этом случае сказать «оригиналов») возрастет. Ведь граница между девиацией и нормой не только условна, но и подвижна, порой, к разряду девиации относили едва заметные черты стиля поведения. В частности, С.П. Шевырев отметил: «В прежние времена, когда большая часть профессоров жили в отдалении от большого света, много было между ними оригиналов с особым стилем осанки, походки, телодвижений и привычек!»²⁵. Применительно же к иностранцам можно сказать, что в глазах многих они были «новаторами», даже если в душе искренне считали себя «традиционалистами»! В местном обществе их часто именовали не иначе как «чудаки». Они совершали отклонение от принятых норм даже не подозревая об этом, они просто не знали местных правил, странностью могло выглядеть вполне традиционное для западного общества поведение, но абсолютно нетипичное для российской действительности.

Тем не менее, очевидно, что в профессорской среде, как и в обществе в целом, большинство было таких людей, которые следовали давно устоявшимся правилам и даже стремились продемонстрировать «нормативное поведение». Причем это характеризовало как «русских», так и иностранных профессоров различных «поколений». Ценности традиционного общества будут еще долгое время доминировать в университетской среде. Соответствующим был взгляд и на смысл профессорской деятельности. Многие профессора и окружавшие их люди определяли преподавание в университете и научные изыскания как «духовное служение». Сын харьковского профессора Г.П. Успенского, основываясь на семейном опыте и своих детских впечатлениях, так охарактеризовал этот вид деятельности: «Я смело сравню всякого учебного мужа со священником, стоящим перед жертвенником в часы молитвенных отпращиваний, и спрошу: что можно сказать о его характере? Так и служитель науки перед своим жертвенником является существом духовным, как бы бестелесным»²⁶. Тезис о профессорах как «жрецах святилища наук»²⁷ в XIX в. станет весьма распространенным.

И все же, было бы неверным сказать, что поведение университетских профессоров было «обычным». При всей декларируемой «простоте» стиля жизни названных профессоров как главной добродетели, в их

²⁵ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета [Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Moskovskogo universiteta]. М., 1855. Ч. 2. С. 418.

²⁶ Цит. по: Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 1 (1802 – 1815 гг.) // Багалей Д.И. Вибрані праці: У 6 т. [Bagalei D.I. Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta (po neizdannym materialam). Ch. 1 (1802 – 1815 gg.) // Bagalij D.I. Vybrani praci: U 6 t.] Харків, 2004. Т. 3. С. 786.

²⁷ См.: Рославский-Петровский А.П. Об ученой деятельности Императорского Харьковского университета в первое десятилетие его существования [Roslavskii-Petrovskii A.P. Ob uchenoi deiatel'nosti Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta v pervoe desiatiletie ego sushchestvovaniia] // Журнал Министерства народного просвещения [Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia]. 1855. Ч. 87. № 7. отд. 5. С. 4.

биографиях есть и немало специфического, характерного собственно для университетского профессора. Любопытно следующее замечание С. П. Шевырева: «После Мерзлякова славен был в отделении профессор латинской словесности, Тимковский, своими великими познаниями, как любимый ученик Геттингенского Гейне, своею затворническою жизнью, и своею важною, неприступною наружностью»²⁸. Эта характеристика напоминает о неприступности представителя элиты, но, одновременно, указание на «затворническую жизнь» напоминает о том, что профессор ориентирован на поиск Истины, а значит, не может отвлекаться на житейские мелочи, аскетизм становится признаком собственно «профессорского стиля жизни». Простота стала символичной. Вероятно, в укоренении такого поведения свою роль также сыграли прибывшие в Россию немецкие профессора. Э. Турнерелли в путевых заметках о Казани 1830-х годов записал: «Профессора... в основном немцы... Образ жизни, который они ведут, настолько же спокойный и уединенный, насколько у русских он шумный и темпераментный»²⁹.

Согласно П. Бурдьё, габитус одновременно представляет собой систему моделей воспроизводства поведения и систему моделей восприятия и оценки поведения, он продуцирует поддающиеся классификации и объективно дифференцированные образцы поведения и представления. Габитус позволяет субъекту не только «чувствовать свое место», но и определять места других субъектов (к примеру, характеризуя одежду, мебель или книгу, говорят: «это мелкобуржуазный стиль»; или: «это интеллигентно») ³⁰. В данном случае, применительно к «профессорскому стилю жизни» можно утверждать, что и в обществе в целом и в самой университетской среде представления о соответствующих моделях поведения сложились не сразу. Очевидно также, что свою важную лепту в их становление внесли иностранные ученые. Со временем некоторые черты такого стиля жизни видоизменялись. В частности, отмеченный внешний аскетизм «искателей Истины» трансформируется в идейную позицию, которая будет проявляться в постоянных декларациях определенных жизненных принципов и целей университетского профессора. Тезисы о «бескорыстном служении науке», «благородном самопожертвовании», о том, что профессор «дорожил каждой минутой

²⁸ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета [Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Moskovskogo universiteta]. М., 1855. Ч. 2. С. 237.

* П. Бурдьё пишет об «аристократическом аскетизме преподавателей» (Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения (фрагменты) / пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики [Burd'e P. Razlichenie: sotsial'naia kritika suzhdeniia (fragmenty) / per. s fr. O. I. Kirchik // Zapadnaia ekonomicheskaiia sotsiologiya: khrestomatiia sovremennoi klassiki]. М., 2004. С. 539).

²⁹ Турнерелли Э. Казань и ее жители [Turnerelli E. Kazan' i ee zhiteli]. Казань, 2005. С. 277.

³⁰ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть [Burd'e P. Sotsial'noe prostanstvo i simvolicheskaiia vlast'] // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 143.

для своей любимой науки», станут типичными для биографий³¹. Такие декларации можно встретить и в документах личного происхождения.

В биографиях ученых, а также в документах встречаем и другие «типичные» черты характера и поведения университетских преподавателей. Так, при всей отмеченной «простоте» проф. Мудрова, сделана ремарка о том, что он был «немного тщеславен и пристрастен к своим сочинениям». Вообще, литературная и издательская деятельность фигурирует как характерное занятие для профессоров. Вполне естественно обращается внимание на любовь к книге и чтению. В биографиях нередко специально указывается на то, что преподаватель « всю свою жизнь провел с книгами ». Причем, чтение выступает не просто как часть профессиональной деятельности, а как черта характера (проф. Мудров «любил книги, даже с пристрастием»). Указано, что книга становилась частью повседневности: читали «для отдыха и разнообразия вместо прогулок», во время прогулок за город; отмечено, что «все время чтения было в карете»³².

Среди наиболее ценного имущества сами профессора называли именно книги. Особенно много таких данных относится к иностранным ученым, так как уже доставка их книжных собраний в Россию требовала немалых усилий. Сообщая в Петербург о пожаре 1842 г. в Казани, Н. И. Лобачевский подсчитывал размер ущерба коллег по стоимости погибших у них книг: остальное имущество, как правило, воспринималось как менее ощутимая материальная и моральная потеря³³. В «Автобиографической записке» профессор Харьковского университета Н. И. Еллинский так объяснил свои усилия по формированию книжного собрания: «...страшась быть анахронизмом по своему предмету и думая единственно о пользе слушателей моих, я не щадил издержек на составление собственной библиотеки. Многие тысячи употребил я на это...»³⁴. Но, вероятно, профессоров пугала возможность отстать не только на профессиональной ниве, но и в культурном отношении. Об этом свидетельствует их интерес к современной им прозе и поэзии. Так, о проф. Дудровиче вспоминали, что «писатели всех веков и народов были его лучшими друзьями»³⁵. По воспоминаниям сына проф.

³¹ См., например: Биографический словарь проф. ИМУ [Biograficheskii slovar' prof. IMU]. Ч.1. С. 245 – 246.

³² Там же [ibid.]. Ч.2. С. 133, Ч.1. С. 318; Ч.2. С. 128; Ч.1. С. 481; Ч.2. С. 159, 128.

³³ Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Казанское житье [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Iu., Sal'nikova A.A. Kazanskoe zhit'e] С. 877.

³⁴ Еллинский Н.И. Автобиографическая записка // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців [Ellinskii N.I. Avtobiograficheskaia zapiska // Harkivs'kyj universytet XIX – pochatku XX st. u spogadah jogo profesoriv ta vyhovanciv]. Харків, 2010. Т.1. С. 56.

³⁵ Из воспоминаний студента Н. // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців [Iz vospominanii studenta N. // Harkivs'kyj universytet XIX – pochatku XX st. u spogadah jogo profesoriv ta vyhovanciv]. Харків, 2010. Т.1. С. 111.

Г. П. Успенского, его отец всякий вечер до ужина читал журналы и газеты³⁶.

Весьма распространенным в университетской среде стало коллекционирование. В ряде случаев оно становилось продолжением профессиональной деятельности (собирали гербарии, рукописи, минералогические коллекции и т.п., все то, что затем использовалось в процессе обучения), однако нередко превращалось в страсть. Правовед Ф. Баузе, например, был страстным любителем и знатоком древней русской истории, он собрал большую коллекцию древних рукописей, старопечатных книг, старинных монет, для чего регулярно ходил по «толкучему рынку» (к сожалению, большая часть коллекции погибла в Москве во время пожара 1812 г.). Собственные коллекции создавали казанские профессора Браун, Броннер, Френ, Фукс, Яковкин.

Типичной характеристикой достойного уважения университетского преподавателя стало указание на то, что он знал несколько языков. Так отмечается, что Ф. Эванс «говорил по-французски как француз, по-немецки как немец и основательно выучился по-русски»³⁷. Профессора выступали как авторы оригинальных сочинений, нередко писали стихи. Причем, если в начале это были обязательные оды по случаю каких-либо важных событий, то в последующем это была «стихотворная импровизация». Сочинение стихов также станет частью профессорской повседневности. Известно, что в 1811 г. на литературных вечерах Мерзляков с Воейковым играл в карты, не на деньги, а на стихи³⁸. Связи с известными литераторами упоминаются как важная часть биографий ряда профессоров.

Любовь к музыке также называется среди характерных увлечений многих университетских преподавателей и воспитанников, особенно из иностранцев. Московские профессора – Ф. Баузе, Ф. Гильденбрандт, Х. Гольдбах, И. Иде, харьковские – Я. Белен де Баллю, И. Шад и другие были не только ценителями, знатоками музыки Гайдна, Моцарта и других европейских композиторов, но и, порой, выступали в качестве исполнителей этих произведений на органе, фортепиано, скрипке, флейте, виолончели. Причем иногда отмечается, что музыка служила «единственным отдохновением от серьезных занятий», была «любимым занятием в свободные часы»³⁹. Заявили они о себе и как ценители произведений изобразительного искусства. Вероятно, именно под воздействием таких примеров и для ряда русских профессоров

³⁶ См.: Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета [Bagalei D.I. Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta]. Ч.1. С. 785.

³⁷ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета [Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Moskovskogo universiteta]. Ч.2. С. 656.

³⁸ Там же [Ibid.]. С. 77.

³⁹ Там же [Ibid.]. С. 207, 262.

(как, например, для проф. А. М. Филомафитского⁴⁰) главным развлечением в свободное от занятий время стали поэзия, музыка и живопись. Бывший архиерейский певчий Г. Пехотинский, вспоминая о своем исполнении оратории во время торжественного университетского акта в Харькове, заметил, что он «стыдился того, что долго не знал знаменитого имени Гайдна»⁴¹. Возможно, что в этом замечании кроется механизм процесса усвоения новой культуры, когда новация, поддержанная высшим светом, становилась привлекательной для многих людей.

На фоне таких творческих занятий профессоров изредка упоминаются их увлечения садоводством, выращиванием цветов. Но и в данном случае эти занятия подаются, скорее, как выражение потребности в прекрасном, как особое времяпрепровождение. Так, о Ф. А. Гильденбрандте пишется следующим образом: «Кроме музыки, садоводство было также любимым его занятием. В саду своем в Москве он сажал деревья и цветы и лелеял их с любовью»⁴².

Даже летом в каникулярное время университетские люди продолжали работать. В письме от 2 июля 1828 г. профессор Московского университета П. С. Щепкин, будучи по делам службы в Петербурге, написал: «Мне уже очень хочется домой, чтобы не ушла между рук вакансия, которую желаю употребить на работы домашние в кабинете»⁴³. Именно в это время преподаватель мог полностью посвятить себя научному творчеству. И такая потребность породила специфическое для университетской среды второй половины XIX столетия времяпрепровождение – дачную жизнь. Впрочем, первые профессорские дачи возникли еще в первой половине XIX века. В частности, первым в пригороде Казани построил свою дачу проф. Г. А. Фогель. Вскоре здесь начали строить дачи и некоторые другие профессора, а район получил название «Немецкая Швейцария»⁴⁴.

Традиционно при описании жизни профессоров упоминаются их путешествия как по Западной Европе, так и по России. При этом даже когда речь идет о лечении, правилом стало упоминать имена выдающихся ученых, с которыми происходили встречи, или университеты, которые в это время посещались. Со временем многие из них сами возьмутся за перо, чтобы описать эти свои путешествия как страноведческие обзоры.

⁴⁰ Там же [Ibid.]. С. 516.

⁴¹ Пехотинский Г. Мое детство. Из жизни маленького певчего // Духовный вестник [Pekhotinskii G. Moe detstvo. Iz zhizni malen'kogo pevchego // Dukhovnyi vestnik]. 1865. Т. 11. С. 446.

⁴² Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета [Biograficheski slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Moskovskogo universiteta]. Ч. 1. С. 207 – 208.

⁴³ Павел Степанович Щепкин. Выдержки из его писем [Pavel Stepanovich Shchepkin. Vyderzhki iz ego pisem] // Русский архив [Russkii arkhiv]. 1899. № 6. С. 308.

⁴⁴ Материалы для биографии Н. И. Лобачевского [Materialy dlia biografii N. I. Lobachevskogo]. М.; Л., 1948. С. 674.

Отдельного внимания заслуживают способы общения, организации и проведения застолий, дружеских встреч. Если дать обобщенный, «типичный» вариант, то для него характерны следующие акценты. Прежде всего, во время таких встреч ценились красноречие, занимательная, живая, веселая речь и веселый нрав, умение поспорить, рассказать интересную историю или анекдот – то есть все то, что могло указать на собеседника как на интеллектуально развитую и многостороннюю личность. И в этом случае также можно говорить о неких образцах, которые исходили от иностранных профессоров. Так, «неприужденность» харьковского профессора Белен де Баллю составляла основу его образа⁴⁵.

Отметим, что при характеристике застолья или встреч также проскальзывают упоминания о скромности и простоте. В частности, практически не упоминается об обильном угощении гостей. Так, применительно к М. И. Панкевичу, говорится, что «единственная роскошь, какую позволял себе, был зеленый чай самой высокой доброты; клал в него много сахара, пил самый горячий и любил им потчевать своих гостей»⁴⁶.

Безусловно, встречаются упоминания и о «вредных привычках», но в биографиях они выглядят, скорее, как эпизод или исключение из правил. В некоторых случаях, как например с М. И. Панкевичем, они упоминаются, чтобы затем показать, как он справился с недугом (по совету докторов совершал долгие прогулки на свежем воздухе и обливался холодной водой)⁴⁷. В воспоминаниях имеются и другие антипримеры, но главное – устанавливается зависимость между «настоящим профессором» и его стилем жизни. Так, по поводу проф. Д. С. Борзенко бывший студент Харьковского университета записал: «Борзенко, не чувствуя никакого призвания к науке, не утомлял себя учеными трудами и вел жизнь беспечного сибарита: любил поспать, покушать, а часто, и выпить без меры. Никогда не отказывался он от веселой компании, от игры в карты и других удовольствий»⁴⁸.

Безусловно, многое в стиле жизни определялось чертами личности, условиями воспитания, но и окружением. Так, характеризуя профессора Московского университета Баузе, современный исследователь Ф. А. Петров отметил, что стремление поближе узнать быт русского народа, постоянное посещение московских толкучек в поисках древностей «дорого обошлось любознательному немцу: он настолько обрусел, что предался под старость характерной русской болезни»⁴⁹.

⁴⁵ Багалеи Д. И. Опыт истории Харьковского университета [Bagalei D. I. Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta]. Ч.1. С. 789.

⁴⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета [Biograficheski slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Moskovskogo universiteta]. Ч.2. С. 205.

⁴⁷ Там же [Ibid.].

⁴⁸ Из воспоминаний студента Н. [Iz vospominanii studenta N.] С. 102.

⁴⁹ Петров Ф.А. Немецкие профессора в Московском университете [Petrov F.A. Nemetskie professora v Moskovskom universitete]. М., 1997. С. 55.

Впрочем, со временем наблюдается эволюция в оценках. «Оригинальные поступки» станут восприниматься в университетской среде более благожелательно. Например, на определенном этапе «вольнодумство» (как отступление от правил) станет «интеллектуальной свободой» (как проявление правила).

Но не только в своих мыслях, но и в образе жизни, в поведении некоторые профессора уже в исследуемое время будут пытаться продемонстрировать свой «свободный выбор». Один из таких вариантов давала одежда. Отличия в одежде были очень важны в обществе, которое четко фиксировало социальные отличия⁵⁰. Впрочем, особенность России данного периода состояла в том, что высшие круги общества, и не только дворяне, тяготели к форменной одежде. Форма стала признаком, в том числе и государственного статуса профессоров. Некоторые из них активно пользовались такой возможностью продемонстрировать этот свой статус. Густав Гес де Кальве, в 1812 г. сдав экзамен на степень доктора философии и защитив диссертацию, но еще не получив диплома, поспешил сшить и надеть соответствующий 8 классу мундир, за что получил «внушение» со стороны министра⁵¹. Проф. П.П. Гулак-Артемовский, придававший большое значение внешним эффектам, по свидетельству современников, ходил «всегда со звездой, которую носил даже на верхнем платье (дома, у себя звезда была у него на халате)»⁵².

И, тем не менее, именно в среде профессуры впервые фиксируются истории, связанные с игнорированием установленных правил в одежде. Так, известно, что профессор Харьковского университета Брандгейс в 1829 г. вышел во время торжественного акта читать речь не в мундире, а во фраке («в партикулярном платье с распущенным галстуком»), что вызвало возмущение присутствовавшего на акте сенатора Горголи⁵³. Подобные истории происходили тогда же и в других университетах. В августе 1805 г. казанские профессора Герман и Цеплин имели неприятное столкновение с вице-губернатором из-за того, что в один из «царских дней» (30-го августа) «протеснились наперед всех в соборе в сюртуках»⁵⁴.

Вообще, заметим, что в одежде и устройстве домашнего быта многие иностранные профессора могли в большей степени следовать европейской моде уже хотя бы потому, что имели право беспощадно

⁵⁰ A History of the University in Europe. Vol. 2. Universities in Early Modern Europe (1500–1800) / Ed. by H. Ridder-Symoens. Cambridge, UK; New York, 1996. P. 249.

⁵¹ Багалеј Д.И. Опыт истории Харьковского университета [Bagalei D. I. Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta]. Ч.1. С. 561.

⁵² Цит. по: Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования / Репринт. изд. [Istoriko-filologicheskii fakul'tet Khar'kovskogo universiteta za pervye 100 let ego sushchestvovaniia / Reprint. izd.] Харків, 2007. С. 322.

⁵³ Багалеј Д.И. Опыт истории Харьковского университета. Ч.2 (1815 – 1835 гг.). // Багалеј Д.И. Вибрані праці: У 6 т. [Bagalei D.I. Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta // Bagalij D.I. Vybrani praci: U 6 t.] Харків, 2004. Т. 4. С. 164.

⁵⁴ Зароскин Н.П. История Императорского Казанского университета [Zagoskin N.P. Istoriiia Imperatorskogo Kazanskogo universiteta]... Т.2. ч.2. С. 417.

ввозить для личного потребления вещей на сумму до 3000 руб., а в последующем имели право «выписывать для себя разные предметы»⁵⁵. Детали их домашнего убранства не оставались незамеченными окружающими. В воспоминаниях проф. Паулович назван «щеголем и любителем комфорта»⁵⁶, а по поводу проф. Делявина отмечено, что он «одевался всегда щеголевато»⁵⁷. «Русские» профессора не так выделялись своей внешностью как иностранные. Ограниченные возможности для самовыражения в условиях Российской империи в дальнейшем будут способствовать идейной оппозиции российской интеллигенции.

Уже культурные запросы и статусное поведение университетских людей требовали от них больших по объему затрат, чем от прочих людей с тем же уровнем дохода⁵⁸. В связи с тезисом об открытости профессорского дома как некой норме, естественно предположить, что хозяин такого дома должен был беспокоиться об оригинальности, постоянно думать о том, чем удивить гостей. Не случайно в домах профессоров свое почетное место отводилось всевозможным коллекциям, редкостям, «диковинкам». Как писал Н.П. Загоскин о доме проф. К. Фукса, «...это действительно был «храм» знания и науки. Здесь, в антресолях, хранилась ценная библиотека К. Ф. Фукса; здесь красовалась его замечательная коллекция восточных монет, его редкие рукописи, его замечательные естественно-исторические коллекции»⁵⁹.

Первоначально профессорам предоставлялись квартиры в здании университета. Но, безусловно, таких квартир не хватало. Наемных домов и квартир, особенно в провинции, также было немного. Данные обстоятельства побуждали профессоров со временем строить для себя собственные дома. Любопытно отметить, что в Казани иностранные профессора стремились приобретать жилье в одном районе, на одной улице⁶⁰. Таким образом, хотя собственное жилище и предполагало большую замкнутость домашнего быта, его «семейственность», но отме-

⁵⁵ Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета [Bagalei D.I. Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta]. Ч.1. С. 748.

⁵⁶ Розалюн-Сошальский А.Г. Мои воспоминания // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців [Rozalion-Soshal'skii A.G. Moi vospominaniia // Harkivs'kij universytet XIX – pochatku XX st. u spogadah jogo profesoriv ta vyhovanciv]. Харків, 2010. Т. 1. С. 37.

⁵⁷ Ничпаевский Л. Воспоминания о Харьковском университете, 1823 – 1829 годы // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців [Nichpaevskii L. Vospominaniia o Khar'kovskom universitete, 1823 – 1829 gody // Harkivs'kij universytet XIX – pochatku XX st. u spogadah jogo profesoriv ta vyhovanciv]. Харків, 2010. Т. 1. С. 67.

⁵⁸ Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Казанское житье [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Iu., Sal'nikova A.A. Kazanskoe zhit'e]. С. 865, 869; Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Iu., Sal'nikova A.A.] Terra Universitatis... С. 235, 239.

⁵⁹ Загоскин Н.П. Очерки города Казани и казанской жизни в 40-х годах [Zagoskin N.P. Ocherki goroda Kazani i kazanskoi zhizni v 40-kh godakh]. С. 81.

⁶⁰ Там же [Ibid.]. С. 435.

ченное соседство означало, что уже при выборе места имелось в виду и интенсивное общение семьями. При отсутствии в городах приличного уровня кофеен и других мест для встреч, таковыми, естественно, становились собственные дома профессоров. Не случайно дома, съемные и казенные квартиры профессоров были довольно просторными. Наличие достаточного количества комнат подразумевало, что в них можно не только жить и работать, но и отводить их гостям⁶¹.

В соответствии с европейскими тенденциями в домах и квартирах профессоров жилые помещения получали особое функциональное назначение (столовая, гостиная, детские комнаты, особые комнаты для прислуги, для гостей, библиотека, бильярдная, кабинет, приемная, курительная). Специализация помещений стала архитектурным воплощением растущей потребности отделиться друг от друга. Все это выражало связанный с цивилизационным развитием процесс индивидуализации⁶². Т.В. Костина, проанализировав немногие сохранившиеся описи имущества профессоров и адъюнктов Казанского университета, предположила, что их мебель приобреталась также с тем расчетом, чтобы можно было достойно принимать гостей: они предпочитали красное дерево, обязательным было наличие достаточного большого числа стульев, кресел и столов. Большую роль в оформлении профессорского дома играли картины, зеркала, подсвечники, обязательным было столовое серебро, которым стремились обзавестись даже небогатые профессора⁶³. О домашней обстановке «ученого иностранца», жившего исключительно на оклад экстраординарного профессора, свидетельствует описание движимого имущества профессора Харьковского университета Л. Умляуфа, оставшегося после его смерти⁶⁴. Сохранилось описание жилища казанского профессора Ф. Броннера, которое состояло из столовой, спальни и комнат, в которых, кроме книг, были размещены и его естественно-исторические коллекции: «Аккуратный и домовитый, Броннер, жил уютно и опрятно: окна его квартиры, находившейся несколько на возвышенности, были украшены растениями и занавесками, он имел особого служителя и свою кухню, не было недостатка и в ящике с вином»⁶⁵. Любопытно отметить, что когда пожар вынудил его искать другую квартиру, то «привыкший к удобствам» Броннер высказал ряд претензий к предложенному ему ново-

⁶¹ Костина Т.В. Мир университетского профессора Казани. 1804 – 1863 [Kostina T.V. Mir universitetskogo professora Kazani. 1804 – 1863]: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. С. 170 – 171.

⁶² Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.) / пер. с нем. Л.А. Овчинцевой [Zider R. Sotsial'naia istoriia sem'i v Zapadnoi i Tsentral'noi Evrope (konets XVIII – XX vv.) / per. s nem. L.A. Ovchintsevoi]. М., 1997. С. 137.

⁶³ Костина Т.В. Мир университетского профессора Казани. 1804 – 1863 [Kostina T.V. Mir universitetskogo professora Kazani. 1804 – 1863]: дис. ... канд. ист. наук. С. 171.

⁶⁴ Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета [Bagalei D.I. Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta]. Ч.1. С. 832.

⁶⁵ Нагуевский Д. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758 – 1850) [Naguevskii D. Professor Frants Ksaverii Bronner, ego dnevnik i perepiska (1758 – 1850)]. Казань, 1902. С. LXXII.

му жилищу. Его не устраивал шум, который доносился из помещений для казеннокоштных студентов и переплетчика, теснота и темнота, отсутствие кухни. Отведенную ему квартиру он признал в лучшем случае пригодной для магистра⁶⁶.

Конечно, установить, в какой степени прибывшие иностранцы повлияли на складывание стилей поведения и собственно «профессорского стиля жизни», в России сложно. К сожалению, в нашем распоряжении нет таких источников, которые бы позволили говорить об этом определенно. Имеются лишь некоторые косвенные данные. Как уже отмечалось, стиль поведения – это стабильные модели поведения индивидов, групп или обществ. Для прибывших в Россию профессоров такие модели были уже устоявшимися. «Русским» профессорам их еще надо было освоить. Заимствования никогда не фиксировались самой профессурой, но они угадываются в мелочах, деталях бытового поведения. Конечно, профессорская субкультура весьма близка к дворянской. Из последней было заимствовано также немало вариантов «стилей поведения». В связи с деятельностью масонских объединений исследователи говорят о постепенном складывании в конце XVIII в. нового типа поведения лиц, относящихся к интеллектуальной элите. И все же, есть основания говорить, что в основе «профессорского стиля жизни» лежал корпоративный этос, который, как считают некоторые авторы, был значимее, чем социальное происхождение⁶⁷. Данный этос в России возник благодаря его трансферу из университетских центров Европы и последующей адаптации.

Линии влияния университетской профессуры на качество жизни в городах можно определить такими ключевыми словами: образец, потребность, культ. Однако были и такие университетские преподаватели, которые осознанно стремились изменить городскую жизнь, улучшить качество жизни в университетских городах. Бытовая неустроенность, неудовлетворенность условиями городской жизни подвигали некоторых из них на разработку реальных предложений в сфере градостроительства и благоустройства городов. Как отметил А.Ю. Андреев, приглашенные из Германии профессора помогали изменять саму инфраструктуру университетского города, что особенно было важно для провинции⁶⁸. Ими были впервые публично озвучены проблемы городского благоустройства. Роль университета в этом деле была заметна и обсуждаема в местном обществе. Р.М. Цебриков записал о своем посещении Харькова: «Университетские ученые, побуждаемые соболезно-

⁶⁶ Там же [Ibid.]. С. LXXIV- LXXV.

⁶⁷ Шемякина О.Д. Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура: историческое наследие и современный контекст // Диалог со временем [Shemiakina O.D. Protivorechiia rossiiskogo modern-proekta i traditsionnaia kul'tura: istoricheskoe nasledie i sovremennyi kontekst // Dialog so vremenem]. 2010. Вып. 33. С. 306.

⁶⁸ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы [Andreev A.Iu. Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoi istorii Evropy]. М., 2009. С. 495.

ванием к человечеству, страждущему болезнями от вредных испарений из стоячих в городе долгое время луж, предлагали разные способы, удобные к осушению улиц и отвращению навсегда несносной тамошней грязи...»⁶⁹. В период активной урбанизации, когда скученность населения и антисанитария порождали широкое распространение инфекций и более высокий уровень городской смертности⁷⁰, предложения университетских профессоров стали не просто ценными, но весьма своевременными.

Конечно, не только с университетом связано утверждение новых черт городской культуры, но роль университета не стоит преуменьшать. Если ранее все культурные начинания, предложения по переустройству исходили от государства, то теперь такие функции берут на себя в том числе и возникшие университеты. В этом проявлялась сама идея университета, которая предполагала цивилизующее влияние университета на общество. Однако свою реализацию эта идея получала посредством деятельности конкретных людей, составлявших университетское сообщество. Важная роль в постижении механизмов функционирования последнего принадлежит такому концепту, как «профессорский стиль жизни». Проанализировав модели поведения и восприятия университетских преподавателей в изучаемый период, можно констатировать, что утверждение данного стиля жизни в России было не одномоментным и прошло в несколько этапов. Безусловно, был начальный период, когда черты модели группового поведения были размыты. На следующем этапе, прежде всего, под воздействием образцов, которые продуцировали иностранные профессора, происходит складывание определенных стилей поведения в стиль жизни профессоров. Последний был весьма неоднородным (скорее, речь идет, по терминологии П. Бурдьё, о «стилистической возможности, предоставленной социальным полем»). При этом важно подчеркнуть, что хотя многие члены университетской корпорации демонстрировали «традиционное» поведение (не лишённое, впрочем, своей специфики), в своей совокупности профессиональные и досуговые практики университетских преподавателей со стороны выглядели как новаторство. Такие представления со временем станут фактором закрепления новаторства как черты «профессорского стиля жизни» и в самой университетской среде.

⁶⁹ Центральный державний історичний архів України [Central'nyj derzhavnyj istorychnyj arhiv Ukraïny]. Ф. 2040. Оп. 1. Д. 99. Л. 21.

⁷⁰ Миронов В.Н. Русский город в 1740 – 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие [Mironov V.N. Russkij gorod v 1740 – 1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvítie]. Л., 1990. С. 226.